

ЧАСТНЫЙ И ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРСЫ В СТРУКТУРЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ КОНЦА XV – НАЧАЛА XVI в.

О. В. ЗУЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Разрабатывается вопрос об отражении взаимодействия частного и официального дискурсов в лингвостилистических и композиционных свойствах восточнославянских эпистолярных текстов периода позднего Средневековья, созданных представителями властных элит. Выявляется связь между особенностями содержательной структуры, стилистики текстов, образующих корпус переписки великой княгини литовской Елены Ивановны с родственниками в 1495–1507 гг., и коммуникативной тональностью эпистолярного диалога, уместной в том контексте дипломатического общения, в котором составлялись письма. Сопоставляются языковые средства выражения элементов формуляров писем Елены Ивановны и ее корреспондентов. Анализируются проприальные и апеллятивные номинации адресанта и адресата в письмах, личные местоимения единственного и множественного числа, указывающие на коммуникантов. Показываются синкретичная жанровая природа исследованных писем и типичность этого явления для средневековой письменной коммуникации.

Ключевые слова: старорусский язык; эпистолярный текст; письмо; великая княгиня литовская Елена Ивановна; дипломатические коммуникации; частный дискурс; официальный дискурс; коммуникативная тональность.

ПРИВАТНЫ І АФІЦЫЙНЫ ДЫСКУРСЫ Ў СТРУКТУРЫ ЎСХОДНЕСЛАВЯНСКІХ ДЫПЛАМАТЫЧНЫХ КАМУНІКАЦЫЙ КАНЦА XV – ПАЧАТКУ XVI ст.

В. У. ЗУЕВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Распрацоўваецца пытанне аб адлюстраванні ўзаемадзеяння прыватнага і афіцыйнага дыскурсаў у лінгвастылістычных і кампазіцыйных уласцівасцях усходнеславянскіх эпістальных тэкстаў перыяду позняга Сярэднявечча, створаных прадстаўнікамі ўладных эліт. Выяўляецца сувязь паміж асаблівасцямі змястоўнай структуры, стылістыкі тэкстаў, якія ўтвараюць корпус перапіскі вялікай княгіні літоўскай Алены Іванаўны са сваякамі ў 1495–1507 гг., і камунікатыўнай танальнасцю эпістальнага дыялогу, дарэчнай у тым кантэксце дыпламатычных зносін, у якім складаліся лісты. Супастаўляюцца моўныя сродкі выражэння элементаў фармуляраў лістоў Алены Іванаўны і яе карэспандэнтаў. Аналізуюцца прапрыяльныя і апелятыўныя намінацыі адрасанта і адрасата ў лістах, асабовыя займеннікі адзіночнага і множнага ліку, якія пазначаюць камунікантаў. Паказваюцца сінкрэтычная жанравая прырода даследаваных лістоў і тыповасць гэтай з’явы для сярэднявечнай пісьмовай камунікацыі.

Ключавыя словы: стараруская мова; эпістальны тэкст; ліст; вялікая княгіня літоўская Алена Іванаўна; дыпламатычныя камунікацыі; прыватны дыкурс; афіцыйны дыкурс; камунікатыўная танальнасць.

Образец цитирования:

Зуева ОВ. Частный и официальный дискурсы в структуре восточнославянских дипломатических коммуникаций конца XV – начала XVI в. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2025;2:30–40.
EDN: GOOCHN

For citation:

Zuyeva VU. Private and official discourses in the structure of East Slavic diplomatic communications of the late 15th – early 16th century. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2025; 2:30–40. Russian.
EDN: GOOCHN

Автор:

Ольга Владимировна Зуева – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Volha U. Zuyeva, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of Russian language, faculty of philology.
zuyeva.volha@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9686-6268>

PRIVATE AND OFFICIAL DISCOURSES IN THE STRUCTURE OF EAST SLAVIC DIPLOMATIC COMMUNICATIONS OF THE LATE 15th – EARLY 16th CENTURY

V. U. ZUYEVA^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The article deals with the issue of interaction of private and official discourses reflection in the linguistic, stylistic and compositional properties of East Slavic epistolary texts of the late Middle Ages, created by representatives of the ruling elites. The connection between the content, structural and stylistic features of the texts that form the corpus of correspondence between the Grand Duchess of Lithuania Helena Ivanovna with her relatives in 1495–1507 and the created tenor of discourse of epistolary dialogue, appropriate in the context of diplomatic communication, in which the letters were composed, is revealed. The linguistic means of expressing formulaic elements of Helena Ivanovna's and her correspondents' letters are compared. The proper and appellative nominations of the addresser and addressee in the letters, personal pronouns of the singular and plural, indicating the communicants, are analysed. The syncretic genre nature of the studied letters and the typicality of this phenomenon for medieval written communication are shown.

Keywords: the Old Russian language; epistolary text; letter; Grand Duchess of Lithuania Helena Ivanovna; diplomatic communications; private discourse; official discourse; tenor of discourse.

Введение

В средневековой Руси дипломатические коммуникации осуществлялись посредством разветвленной системы письменных и устных жанров, неотъемлемой частью которой была различного рода корреспонденция [1, с. 14]. Материалом для настоящего исследования являются эпистолярные тексты, которые входят в состав источников конца XV – начала XVI в., связанных с заключением брака великого князя литовского Александра Казимировича и дочери великого князя московского Ивана Васильевича, княжны Елены Ивановны (в браке стала великой княгиней литовской, королевой литовской), а также с дальнейшей миссией Елены Ивановны в Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ). Этот корпус писем фиксирует обычное для Средневековья явление реализации дипломатических связей через родственные коммуникации в кругу властных элит. Постулируемый для социумов предыдущих эпох особый характер дифференциации приватной и публичной, частной и официальной сфер жизни (с допущением отсутствия этой дифференциации в средневековой придворной культуре [2, с. 26] (в этой же работе приведен подробный обзор исследований до конца XX в.)) находит отражение во взаимодействии частного и официального дискурсов [3–6]. На наш взгляд, основания для различения дискурсов, при всей историчности понятия «частная сфера», панхроничны и связаны с вербализацией оппозиций *интимизация – дистанцирование, оценочность – безоценочность, индивидуальное – стандартное* и др. Сложность заключается в поиске и интерпретации соответствующих эскапаторов. Как авторская индивидуальность проявляется в жанровом стандарте и проявляется ли? Как доказать наличие оценочного значения в слове? Когда самопрезентация адресанта посредством местоименных и глагольных форм множественного числа (*мы-адресанта*) является маркером дистантной коммуникации, а когда нет? В данной статье затрагиваются эти вопросы и показывается взаимодействие дискурсов через анализ лингвостилистических и композиционных свойств текстов.

Личность Елены Ивановны и ее эпистолярное наследие привлекали внимание историков и филологов начиная с XIX в. Об обстоятельствах заключения династического брака в январе 1495 г., обязанностях Елены Ивановны и ее дальнейшей жизни в ВКЛ написана внушительная по объему литература (см. исследования последних лет [7–9], в которых приведены библиографические обзоры). Филологическая, в частности собственно лингвистическая, проблематика изучения посланий Елены Ивановны представлена в трудах Я. С. Лурье [10], Р. Рагаускиене [11], Д. Кершиене [12], М. О. Новак и Я. А. Пеньковой [13]. Особенно важны для выбранного аспекта изучения писем результаты наблюдений Р. Рагаускиене и Д. Кершиене, которые исследуют восточнославянскую и европейскую эпистолярную культуру Средневековья, в том числе женскую эпистолографию. Р. Рагаускиене охарактеризовала языковую ситуацию, отраженную в эпистолярном общении представительниц знати ВКЛ конца XV – начала XVI в. Д. Кершиене определила полный корпус корреспонденции Елены Ивановны; изучила публикации писем; реконструировала ситуации составления писем; сопоставила лексику и риторическую организацию сообщений послов от имени Елены Ивановны, в частности проанализировала «формулу здоровья» в ее письмах родным; указала на близость средневековых латиноязычных и русскоязычных эпистолярных традиций. В работах обоих названных авторов дана общая композиционно-стилистическая характеристика посланий Елены Ивановны.

Нас интересует корпус указанных выше писем как лингвистических источников изучения традиций восточнославянских эпистолярных коммуникаций, которые осуществляются лицами, находящимися между собой в родстве и занимающими высокие и высшие позиции в социально-политической иерархии, которые, в свою очередь, определяют неукоснительное следование церемониалу в речевом поведении. Цель исследования заключается в выявлении связи между особенностями содержательной структуры, стилистики анализируемых текстов и коммуникативной тональностью эпистолярного общения, уместной в том контексте дипломатического общения, в котором эти письма создавались. Реализация этой цели позволяет уточнить данные о взаимодействии разных дискурсов в эпистолярном общении представителей властных элит. Объект исследования – содержательная структура (формуляр) писем и лингвостилистические характеристики наполняющих элементы формуляра языковых единиц разной степени устойчивости как средств формирования коммуникативной тональности. Предмет исследования – специфичность названных характеристик текстов на фоне композиционных и лингвостилистических свойств древне- и старорусских частных и официальных светских писем, актовых материалов (различных видов грамот), а также способы языковой экспликации в данных текстах частного и официального дискурсов.

Под многозначным термином «коммуникативная тональность» («тональность») мы понимаем «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [14, с. 304]. Тональность отражает соотношение социально-статусных и социально-ролевых характеристик участников общения и проявляется в используемых ими языковых средствах [15, с. 283]. Нас интересуют параметры интимизации общения и соблюдения дистанции в общении.

Материалы и методы исследования

Анализируемые письма включены в русские посольские книги – сборники, в которых по пунктам (постатейно) записывались выполнившие свои функции дипломатические тексты. Данные посольские книги опубликованы в 35-м томе серии книг «Сборник Императорского Русского исторического общества» (1882). Письмо от Василия Ивановича сестре, Елене Ивановне, исследовано по его публикации во 2-м томе серии изданий «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией» (1848).

На протяжении столетий письма представителей правящих элит составлялись и редактировались при участии третьих лиц, что касается не только дипломатических коммуникаций (см. запись в посольской книге, датированную февралем 1495 г. и посвященную памяти посла: *И коли будетъ великой княгинь Олень послать к отцу своему, къ великому князю, грамота какова тайная, ино велѣти те грамоты писати Ивану Котову* (СРЮ, с. 173); также известны обстоятельства создания писем Елены Ивановны, в том числе роль Ивана Сапеги в составлении писем с 1502 г. [12, р. 75, 93–94, 102, 106, 110], и сведения о частных писарях в ВКЛ [16, с. 383–385]). Данный факт не значит, что Елена Ивановна не принимала участия в подготовке текста. Речь идет о том, что коммуникативная тональность, даже при допустимой степени интимизации и тем более эмоциональности текстов, формируется в них продуманно, она не является выражением индивидуального порыва. Д. Кершиене указала: «Переписку Елены использовали как политический инструмент для достижения государственных интересов. Эпистолярная активность правительницы, уровень и выразительность писем зависели от самой ее личности, сферы деятельности, ее отношений с мужем и семьей, политических обстоятельств и, конечно же, квалификации ее писцов и секретарей» (перевод наш. – О. З.) [12, р. 110]. Кем бы ни составлялись эти тексты, в них отражена рефлексия над тем, что может присутствовать в письме от дочери, великой княгини в одной стране, к отцу, великому князю в другой стране.

Исследуемый корпус включает 11 текстов разного времени создания: 2 письма от отца, великого князя Ивана Васильевича, 1495 и 1503 гг.; 2 письма от матери, великой княгини Софьи Палеолог, 1497 и 1499 гг.; 1 письмо от брата, Василия Ивановича, 1507 г.; 2 письма к отцу 1495 и 1503 гг.; 2 письма к матери 1495 и 1503 гг.; 1 письмо к брату, Василию Ивановичу, 1503 г. и 1 письмо к брату, Юрию Ивановичу, 1503 г. Приписка от имени Елены Ивановны к посланию великого князя Александра Казимировича великому князю Ивану Васильевичу 1497 г. (СРЮ, с. 227) не была включена в исследуемый корпус, поскольку это короткая верительная грамота (*верючая речь*). Стилистическая близость писем Елены Ивановны и данной верительной грамоты отмечена Д. Кершиене¹ [12, р. 91].

¹При широком подходе к эпистолярию верительные грамоты могут быть отнесены к периферии эпистолярного жанра или по крайней мере к тому ярусу в системе письменных диалогических жанров, на котором письмо как не документ превращается в документ. Структура и фразеология верительных грамот и писем, даже частных, имеют общие свойства. О том, что верительные грамоты, адресованные конкретным лицам, воспринимались их отправителями не как формальный служебный документ, свидетельствует метакоммуникативный комментарий великого князя Ивана Васильевича в его письме (грамоте) 1492 г. к своему наместнику боярину Якову Захарьичу. Комментарий касался стиля полученной от троцкого каштеляна, полоцкого наместника Яна Юрьевича Забережского верительной грамоты: *А грамоту бы еси вѣрючую писалъ къ нему отъ себя попригожу, вѣжливо, занже онъ писалъ къ тебѣ вѣжливо, тебя почтить, и ты бы его почтить какъ пригоже* (СРЮ, с. 69).

Послание Елены Ивановны отцу и сопровождающие его письма к матери и братьям, которые датированы 2 января 1503 г., вошли в историю русской литературы как образцы средневековой публицистики (условия их создания и риторической организации описаны в работе [10]). Эти тексты образуют отдельный подкорпус. М. О. Новак и Я. А. Пенькова, рассматривавшие данные письма как один большой текст, отметили, что «приписки матери и двум братьям представляют собой краткие вариации пространного письма к отцу» [13, с. 398]. Остальные письма литературной обработкой не отличаются.

Обмен письмами Елены Ивановны с родными через послов происходил с 1495 по 1512 г., однако не вся корреспонденция вошла в состав посольских книг (после 1503 г. велась переписка с братом Василием Ивановичем, которая только упоминается в посольских записях [12, р. 86–87]; также сохранился текст послания Василия Ивановича 1507 г.). Указанные выше 11 текстов княжеской переписки не являются единственными посланиями, связанными с браком и миссией Елены Ивановны. Подготовка к браку отражена в эпистолярных источниках 1492 г.: переписке троцкого каштеляна, полоцкого наместника Яна Юрьевича Забережского с московским воеводой Иваном Юрьевичем Патрикеевым, включающей 4 текста (СРИО, с. 71–72, 78–79, 79–80, 82–83), и переписке великого князя Ивана Васильевича с боярином Яковом Захарьичем, состоящей из 2 текстов (СРИО, с. 69–70, 70–71). Особенности стилистики и структуры этих текстов учитываются при установлении того, что типично и что специфично в посланиях Елены Ивановны и ее родных. Фоном для исследования являются сведения о лингвистических и композиционных свойствах частных и официальных деловых писем второй половины XV – начала XVI в.

Письма изучаются в аспектах исторической стилистики, лингвистического источниковедения и исторической дискурсологии с использованием методов аналитического описания, формулярного анализа и контекстуального анализа.

Результаты и их обсуждение

Все письма анализируемого корпуса, вне зависимости от адресанта, называются в посольских книгах только грамотами. Этот факт предсказуем с учетом статуса коммуникантов, который имел решающее значение в церемониале. Любые тексты, создаваемые представителями властных элит, – это грамоты, причем не только в дипломатическом дискурсе (сведения об этом обозначении, применяемом по отношению к частным письмам Василия Ивановича, приведены в работе [17] на с. 104–105; в середине XVII в. царь Алексей Михайлович называет грамотами частные письма своих сестер к нему (ПРГ-2, № 55, с. 56)). Обратим внимание на то, что ни писцы, ведущие посольские книги, ни корреспонденты Елены Ивановны не называют листами письма, присланные из ВКЛ от великой княгини: *А се такову грамоту подалъ отъ великіе княгини Олены...* (ЕИ-1) (о письме к матери); *...и ты бы къ отцу своему и къ намъ грамоту отписала...* (СЕ-2, с. 279). Сравним, как в письме от Елены Ивановны называется послание, переданное от Александра Казимировича Ивану Васильевичу: *Да послалъ къ тобѣ ко государю, ко отцу къ моему, *государь мой князь велики Александръ листъ свой съ Яномъ...*² (ЕИ-1). Елена Ивановна принадлежит к «своей», московской письменной коммуникативной культуре, и тексты, которые создаются ею и (или) от ее имени, – это грамоты.

Рассматриваемые письма относятся к деловому регистру старорусского языка. Книжные элементы выполняют известную функцию: они либо подчеркивают достоинство текста, либо служат экспрессивным средством воздействия на адресата. Наличие в текстах западнорусских элементов объясняется кругом писарей [13, с. 397–401].

Содержательная структура писем как отражение частного и официального дискурсов. В письмах были выделены смысловые блоки – элементы содержательной структуры, а также разновидности вербализующих их формул, дифференцированные по степени устойчивости³. Полученные данные представлены в таблице. Также в текстах были выявлены элементы, нехарактерные для смысловой структуры письма, что отражено в графе «иное». Письма в таблице сгруппированы не в хронологическом порядке, а по отправителю.

Наблюдается отсутствие во всех письмах смыслового блока VIII (элемент характерен для текстов частной духовной и интеллектуальной переписки) и смыслового блока X (подпись как экстратекст могла не переноситься в посольскую книгу). Рассмотрим вербализацию выявленных смысловых блоков (блок VII (семантема) изучается на фоне анализа способов номинаций коммуникантов и формулировок их интенций; основное внимание направлено на этикетные элементы формуляра письма).

²Здесь и далее в примерах мы используем обозначения *государь*, *государыня* в соответствии с тем, как раскрыты титулы в цитируемых изданиях. Под титулами в анализируемую эпоху сокращались слова *господарь*, *господарыня*, которые должны читаться вместо слов *государь*, *государыня* (см.: Успенский Б. А. К истории слова *государь*: некоторые выводы и предположения (титул *государь* и династия Романовых) // Древ. Русь. Вопр. медиевистики. 2023. № 4. С. 135–147). В связи с этим слова *государь*, *государыня* сопровождаются символом * для указания на условный характер их употребления.

³Зуева О. В. Стил ь эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Минск, 2009. С. 7–8.

Наличие смысловых блоков в анализируемом корпусе писем

The presence of semantic blocks in the analysed corpus of letters

Письмо (год отправления)	Смысловые блоки											
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	Иное
ИЕ-1 (1495)	+	(а, б)			+	(а)		+			+	
ИЕ-2 (1503)	+	(а, б)	+				+				+	+
СЕ-1 (1497)	+	(а, б)			+	(а)	+				+	
СЕ-2 (1499)	+	(а, б)			+	(а)		+			+	+
ВЕ (1507)	+	(а, б)	+		+	(а)	+				+	
ЕИ-1 (1495)	+	(а–в)			+	(а)	+		+			
ЕИ-2 (1503)	+	(а–в)					+	(д)	+		+	+
ЕС-1 (1495)	+	(а–в)			+	(а)	+		+			
ЕС-2 (1503)	+	(а–в)		+	(б)			+		+	+	+
ЕВ (1503)	+	(а–в)		+	(б)			+	(д)	+	+	+
ЕЮ (1503)	+	(а–в)		+	(б)			+			+	+

Примечание. Цифрой I обозначается презентация коммуникантов (а – указание на адресата, б – указание на адресанта, в – приветствие), цифрой II – констатация получения письма адресата, цифрой III – наличие комментариев по поводу получения письма адресата (а – благодарности за письмо, б – реакции на получение письма и (или) впечатления от него), цифрой IV – выражение потребности в дальнейшем письменном общении (а – призыв к адресату писать адресанту, б – мотивация призыва к адресату писать адресанту, в – обязательство адресанта писать адресату), цифрой V – сообщение адресанта о себе, цифрой VI – наличие комментариев по поводу собственного письма (а – мотивации адресантом своего письма, б – извинения за письмо, в – оценки решения обратиться к адресату, г – объяснения задержки письма, д – характеристики своего письма и своей манеры писать, е – призыва к адресату прочесть письмо), цифрой VII – изложение каузирующих письмо интенций (семантема), цифрой VIII – выражение адресантом потребности поддерживать связь с адресатом, цифрой IX – прощание, цифрой X – подпись, цифрой XI – наличие даты и (или) места составления письма.

Смысловый блок I. Только в письмах от Елены Ивановны присутствует собственно приветствие, которое выражается с помощью конструкции «кому – кто челом бьет». Данная конструкция представляет собой клише частных бытовых, частных деловых, служебных писем, отражающих коммуникацию «снизу вверх». В письмах от отца и его сына используется модель «кто – кому», типичная для официальных грамот; в письмах от матери – конструкция «от кого – кому», которая также является обычной в деловых грамотах и частных письмах при коммуникации «сверху вниз». Способы презентации адресанта и адресата будут рассматриваться ниже.

Смысловый блок II. Лишь в письмах от Ивана Васильевича и Василия Ивановича употреблены два разных клише старорусской официальной деловой корреспонденции, к которой принадлежат их тексты: *Прислала еси къ намъ грамоту свою* (ИЕ-2, с. 411); *Да писала еси до насъ...* (ВЕ, с. 24).

Смысловый блок III. Только в посланиях Елены Ивановны матери и братьям 1503 г. встречаются высказывания-клише, выражающие эпистолярный мотив радости: *Рада быхъ слышала здоровье *государя отца моего, и твое *государыни и матери моей, и о брати и о сестрахъ моихъ* (ЕС-2, с. 374); *Каждого часу рада быхъ слышала здоровье *государя отца нашего, и *государыни матери нашей, и твоей милости, брата моего милого* (ЕВ, с. 372–373); *Рада слышу на каждый часъ здоровье *государя отца нашего, и *государыни матери нашей, и твоей милости, брата моего милого* (ЕЮ). Форма сослагательного наклонения со спрягаемым аористом *быти*, типичная для узуса ВКЛ [18, с. 331], является отражением руки писаря.

Смысловый блок IV. Призыв писать, не только церемониальный, но и актуальный, обусловленный потребностью получить информацию, присутствует во всех письмах, кроме переписки 1503 г. Все контексты представляют собой реализацию эпистолярных клише: *...и ты бы ко мнѣ съ нимъ же отписала, чѣмъ неможешъ, и какъ тебя нынѣча Богъ милуетъ* (ИЕ-1) (запрос фактической информации); *И отецъ твой да и мы послали тебя навѣстити своего сына боярского... и ты бы намъ отказала, что твоя немочь, и чѣмъ неможешъ, и какъ тебя нынѣ Богъ милуетъ* (СЕ-2, с. 279) (запрос фактической информации сопровождается этикетным запросом); *Чтобы еси къ намъ отписала о нашего зятя, а своего мужа, великого князя Александровъ здоровьѣ, да и о своемъ, какъ васъ Богъ милуетъ* (СЕ-2, с. 241); *Что насъ о своемъ здоровьѣ безъ вѣсти не держиши, а о нашемъ пытаеши, и ты бы и впредь насъ о своемъ здоровьѣ безъ вѣсти не держала, какъ тебе Богъ милуетъ...* (ВЕ, с. 24); *Пожалуй, *государь, не держи*

нась безъ вѣсти о своемъ здоровьѣ и матери нашей о здоровьѣ и о братнѣ и о сестринѣ... (ЕИ-1); *Пожалуй, *государыни, не держи нась безъ вѣсти о осподаря отца моего здоровьѣ и о своемъ здоровьѣ и о братнѣ и о сестринѣ...* (ЕС-1). Оптативная конструкция всегда употребляется в коммуникации «сверху вниз», императивная конструкция – в коммуникации «снизу вверх» (в сопровождении этикетного глагола *пожалуй*).

Смысловой блок V. Сообщение адресанта о себе отсутствует в письмах от Ивана Васильевича и посланиях Елены Ивановны 1503 г. Все формулы – клише, неотъемлемая часть структуры старорусского частного письма: *...а здѣсе, *государь, Божією милостію, *государь мой князь велики Александръ да и язъ, дочи твоя, даль Богъ поздорову* (ЕИ-1); *...а здѣсь, *государыни, Божією милостію, *государь мой князь велики Александро да и язъ, дочи твоя, даль Богъ поздорову* (ЕС-1) (дословное повторение); *А здѣсе, милостію Божьею, *государь нашъ, отецъ твой, добръ и здоровъ, и дѣти наши, да и язъ даль Богъ живы есмя, до Божьей воли* (СЕ-1); *...а мы милосердіемъ Божіимъ и Пречистое Богоматери, и святыхъ чудотворецъ и родитель нашихъ молитвою, даль Богъ, живы до Божьей воли* (ВЕ, с. 24).

Смысловой блок VI. Характеристика своего письма и своей манеры писать, а именно реализация мотива краткости, присутствует только в письмах к отцу и брату, Василию Ивановичу, 1503 г.: *Писала быхъ до тебя *государя и отца моего о томъ шире, ино...* (ЕИ-2, с. 370); *А болиши того, брате, съ тяжкое жалости не могу и писати шире...* (ЕВ, с. 374). Содержащееся в них высказывание со стержневым словом *шире* по происхождению является книжной формулой, употребление которой в «литературных письмах», составленных от лица великой княгини, по традиции именно в заключительной части семантемы отражает риторическую компетентность составителей этих текстов.

Смысловой блок IX. Прощание-челобитье (или от первого лица, или от третьего лица), что предсказуемо, присутствует только в письмах от Елены Ивановны: *А язъ тебѣ, *государынѣ своей матери, челомъ бью* (ЕС-1) и др. В письмах 1503 г. данное клише включает экспрессивный распространитель *низко* [19, р. 39–40].

Смысловой блок XI. Указание на дату и (или) место составления письма присутствует во всех текстах, кроме писем к отцу и матери 1495 г. (запись могла быть не перенесена в скопированный текст посольской книги). Данное клише является обязательным элементом официальных грамот: *Писанъ у Вилни, генваля 2 день, индик. 6* (ЕЮ, с. 374) и др.

В рассматриваемых текстах присутствуют смысловые элементы, нехарактерные для писем от родителей к дочери и от дочери к родителям. Все послания Елены Ивановны 1503 г. в заключительной части содержат фрагменты, свойственные верительным грамотам. Элементы челобитных появляются также в конце писем к отцу и матери 1503 г. (жанровая характеристика заявлена в них прямо): *...и ты бы, *государь и отецъ мой, пожаловаль... и учинилъ на челобитье мое, и змиловался надо мною* (ЕИ-2, с. 372); *...змилиуйтеся, челобитіа и плачу моего не оставите* (ЕС-2, с. 376). Письма от матери 1499 г. и отца 1503 г. содержат компонент со значением санкции за отступление от греческого закона. Так, в письме от Софьи Палеолог, в котором наблюдается влияние стилистики официальных духовных учительных посланий, присутствует санкция-предостережение: *...отъ Бога бы еси душею не погибла, а отъ насъ бы еси, отъ своихъ родителей, родствомъ не отпала, да и въ неблагословении и въ проклятьи не была, въ сий вѣкъ и въ будущий* (СЕ-2, с. 280). В письме от Ивана Васильевича при близости формулировки стиль санкции отличается деловым характером, она раскрывает в том числе иной, светский аспект взаимоотношений правящих семей: *...и ты отъ Бога душею погинеши, и отъ насъ не въ благословеніи будеши... а зятю намъ своему того не перепустити* (ИЕ-2, с. 412).

Из описания формуляра видно, что во всех письмах, кроме письма от отца 1503 г., присутствуют структурные элементы, свойственные как частным бытовым и частным деловым письмам XV–XVI вв., так и деловым грамотам. Следует отметить, что смысловые блоки III–V характерны для старорусской частной переписки. Исследователь эпистолографии ВКЛ XVI в. А. Рычков указал, что о здоровье спрашивали и сообщали только равноправные участники письменного диалога [19, р. 39–40]. Переписка Елены Ивановны с родными – это не общение равных, что выражается в расположении номинаций адресанта и адресата, отсутствии приветствия адресантов в письмах к дочери и сестре и, напротив, регулярном использовании приветствия-челобитья Еленой Ивановной, а также в наличии формулы прощания только в ее письмах. Применение формул смысловых блоков III–V в этих текстах отражает допустимый уровень интимизации общения.

Обозначение адресанта и адресата как отражение взаимодействия частного и официального дискурсов. Обозначение адресанта в письмах от родителей и брата всегда находится в препозиции относительно обозначения адресата. В обоих письмах от Ивана Васильевича и письме от Василия Ивановича приводится полный титул правителя. Необходимо отметить, что в предваряющей послание отца 1495 г. посольской речи (устном выступлении посла от имени великого князя) используется краткий титул,

а в самом послании, крайне лаконичном, титул занимает половину текста. Собственное имя великого князя в обоих письмах и посольской речи приводится в книжной форме *Іоанъ*.

В письмах от великой княгини Софьи Палеолог самопрезентация происходит посредством употребления социального термина и имени, а именно используются выражения *отъ великіе княгини Софьи* (СЕ-1); *отъ великой княгини Софьи* (СЕ-2). В зачинах писем от Елены Ивановны присутствуют номинации адресанта *дочи твоя, Олена* (ЕИ-1; ЕС-1); *дочи твоя* (ЕИ-2); *дочи твоя, королеваа и великаа княгини Олена* (ЕС-2) (с 1501 г. Елена Ивановна была некоронованной королевой); *сестра твоя, королеваа и великаа княгини Олена* (ЕВ; ЕЮ). Во всех письмах Елена Ивановна называет себя *Олена*. Восточнославянская форма имени употребляется в том числе в окружении слов, записанных в книжной орфографии (*твоя, королеваа и великаа*). В семанте «литературного письма» к отцу 1503 г. используются экспрессивные номинации *служебница, дѣвка твоя, богомолица твоя, подножье твое*.

В зачинах всех писем от родителей и брата, Василия Ивановича, используется только *мы*-адресанта (*дочери нашей, сестрѣ нашей*), в семанте при самономинании отмечается разное распределение местоименных и глагольных форм единственного и множественного числа. Хотя сосуществование форм *я* и *мы* – обычная черта великокняжеских писем и грамот-распоряжений (см. грамоты Ивана Васильевича (СРИО, с. 69, 85, 88)), в письмах от родителей и брата распределение форм может отражать различия в тональности коммуникаций. В семанте письма от отца 1495 г. якобы частного содержания⁴ используется только самопрезентация адресанта посредством местоименных и глагольных форм единственного числа (*я*-адресанта): *Сказывали ми здѣсь, что деи, по грѣхѣмъ, неможешъ; и язъ послалъ тебя видѣти...* Также эта форма присутствует в семанте письма от матери 1497 г. частного содержания: *...и язъ къ тебѣ приказывала... съ твоими робята, чтобы еси ко мнѣ о томъ отписала... о томъ бы еси, дочка, о всемъ отписала; да и о иныхъ о своихъ дѣлехъ ко мнѣ бы еси отписала*. В письме от матери 1499 г., в котором есть и частное, и публичное содержание (напоминание соблюдать греческий закон), *мы*-адресанта употребляется во всех контекстах, кроме одного. В нем реализуется синтаксическая фигура **государь мой, отецъ твой* (СЕ-2, с. 279). В негодующем письме отца 1503 г. абсолютно преобладают местоименные и глагольные формы множественного числа, относящиеся к сфере номинаций адресанта. Местоимение в форме единственного числа употребляется дважды: в фигуре амплификации *мнѣ бы еси тѣмъ, и себѣ, и всему нашему роду, нечти не чинила* (ИЕ-2, с. 411) (хотя далее при повторе выражения *ино въ томъ тебѣ и намъ и всему нашему роду велика нечестъ* (ИЕ-2, с. 412) используется местоимение в форме множественного числа) и эмфатической конструкции *мнѣ тебя про то не благословити, да и матери тебя не благословити* (ИЕ-2, с. 412), служащей для выделения каждого лица в контексте. В связанном с вопросами внешней политики письме от Василия Ивановича 1507 г., которое обращено не столько к Елене Ивановне, сколько к ее окружению, обнаружена только форма *мы*.

Обозначение адресата в зачине текста всегда расположено в препозиции относительно обозначения адресанта в письмах от Елены Ивановны. В текстах отражена такая последовательность номинаций: вежливое приложение, маркирующее социальную дистанцию, затем термин родства, имя, титул (либо сначала титул, потом имя). Ср.: *...государю отцу моему Іоанну, Божією милостію, *государю всеа Руси и великому князю...* (ЕИ-1) (краткий титул); **Государю отцу моему Ивану...* (ЕИ-2, с. 368) (и далее приведен официальный титул); *...государынѣ матери моей, великой княгинѣ Софьѣ...* (ЕС-1); *...Государыни матери моей Софьѣ, Божією милостію великой княгинѣ всеа Руси...* (ЕС-2, с. 374); *Господину и брату моему милому, великому князю Василью Ивановичю...* (ЕВ, с. 372). Выделяется письмо к брату, Юрию Ивановичу, в котором отсутствует этикетное приложение, но есть оценочное этикетное определение *милый*: *Брату моему милому, князю Юрію Ивановичю...* (ЕЮ).

В зачине писем от родителей и брата адресат указывается номинациями в той же последовательности, в которой назван адресант в письмах от Елены Ивановны: сначала термин родства, потом социальный термин и имя. Например, клише *дочери нашей, великой княгинѣ Оленѣ* (ИЕ-1; СЕ-1; СЕ-2, с. 279); *дочери нашей королевѣ и великой княгинѣ Оленѣ* (ИЕ-2, с. 411); *сестрѣ нашой, королевой и великой кнегини Еленѣ* (ВЕ, с. 24).

Остановимся на форме имени великой княгини. Во всех письмах, кроме письма от брата, Василия Ивановича, которое является самым поздним текстом, ее называют *Олена* (ср. с частными письмами от Василия Ивановича к жене 1520–30-х гг., в которых при указании адресата имя собственное сопровождается термином свойства: *...женѣ моей Оленѣ* (ПРГ-1, № 1–5, с. 3–5)). Так же называют ее писари, фиксирующие произошедшие события: *Ипанъ Станиславъ великой княжнѣ Оленѣ отъ великого князя Александра правилъ поклонъ* (СРИО, с. 124); *...князь велики дочь свою княжну Олену и отпустилъ...* (СРИО, с. 162). Форма *Елена*

⁴Письмо было отправлено для отвода глаз, на что указывают слова посла Елене Ивановне, произнесенные без лишних свидетелей: *Отецъ твой, госпоже, велѣлъ тебѣ молвити: а ту свою грамоту о твоей болѣсти послалъ есми къ тебѣ того дѣля, чтобы незнакомисто было, чего дѣля есми послалъ къ тебѣ Погосжево...* (СРИО, с. 198).

встречается, но реже. Например, она присутствует в предложении перед письмом к отцу: *А се такоу грамоту подаль отъ великие княгини Елены...* (ЕИ-1). Рядом упоминается письмо к матери, однако в высказывании перед ним приводится форма *Олена* (ЕС-1). В заголовке памяти, которую отец дает дочери, чтобы та не отступала от православия, княгиня названа Еленой: *Память великой князьне Еленѣ* (СРИО, с. 163). Однако в самом тексте памяти фигурирует форма *Олена*: *А будетъ королева въ Вилнѣ, мати великого князя Александра, свекры еѣ, и коли поидетъ къ своей божницѣ, а ей велить съ собою ити, и великой княгинѣ Олене еѣ провожати до божницы, да отпрашиватиса ей у ней вежливо къ пѣтью къ своей церкви...* (СРИО, с. 163). В грамоте, гарантирующей право будущей великой княгини не отступать от греческого закона, она именуется Еленой. Текст этой грамоты составили при дворе Ивана Васильевича, по образцу написали грамоту в канцелярии Александра Казимировича, добавив в нее предложение, что вызвало протест с московской стороны и непринятие грамоты. Ср. фрагмент московского образца грамоты и фрагмент варианта грамоты великого князя Александра Казимировича: *...что за меня даль дочь свою Елену, и намъ его дочери не нудити къ римскому закону, дрѣжыть свой греческой законъ* (СРИО, с. 133); *...что за мене даль свою дочку Елену, и намъ его дочки не нудити къ римскому закону, дрѣжати свой греческій законъ; а коли похочетъ своею волею приступити къ нашему римскому закону, то ей въ томъ воля* (СРИО, с. 143). В окончательном варианте грамоты с устраненной нежелательной вставкой (в стиле «святой простоты» звучит комментарий литовского посла: *А что строка въставлена въ ту грамоту о римскомъ законѣ, и *государь нашъ чаялъ, что *государь вашъ полюбитъ ту строку...* (СРИО, с. 150)) приведена форма *Елена*: *...что за мене даль свою дочь Елену...* (СРИО, с. 159). Таким образом, в дипломатическом дискурсе, в том числе эпистолярном, стилистически маркированная форма имени *Елена* используется значительно реже, чем нейтральная форма *Олена*.

В зачине при обозначении адресата обязательно употребляются термины родства. Только в письмах от Елены они используются и при обозначении адресанта. Термин родства всегда предшествует социальному термину, перед термином родства может употребляться только гоноративное приложение (**государь, *государыни, господинъ*). Напоминание адресату о родстве или свойстве либо метафорическое обозначение адресата термином родства, маркирующее горизонтальные и вертикальные связи, — общая черта официальных коммуникаций анализируемой эпохи. Данная характеристика свойственна любым текстам (и старорусским, и старобелорусским), в том числе деловым грамотам вне исследуемого корпуса⁵.

В семанте писем Елена Ивановна обращается к отцу словами **государю; господине *государю; господине и *государю отче; господине отче; господине *государь и отец мой*. Называя его, она сопровождает личное местоимение приложением — термином родства (*от тебе, отца моего; тебе, отцу моему*). Такие же номинации употребляются по отношению к матери (**государыни и матери своей; къ твоей милости *государыни и матери моей; *государыни*). В семанте писем к братьям 1503 г. Елена Ивановна называет каждого без приложения **государь*. К Василию Ивановичу княгиня обращается выражениями *твоя милость, братъ мой; тобѣ, брату моему; брате*; к Юрию Ивановичу — словами *брате; брат мой*. Говоря об обоих братьях, Елена Ивановна использует обозначение *господа*: *...до вашей милости господа и братьи моее...* (ЕЮ, с. 374). Термины родства, относящиеся к номинации собеседника, крайне редко употребляются без сопровождения вежливым гоноративным или метонимическим приложением, за исключением нескольких примеров прямого обращения к братьям.

Василий Иванович называет сестру словами *сестра наша и наша сестра*. При обращении он использует номинацию *сестро*.

В рассматриваемом корпусе присутствует только презентация адресата посредством местоименных и глагольных форм единственного числа (*ты-адресата*). Эта форма является стандартной для старорусской коммуникации, в том числе официальной и в том числе «снизу вверх».

В связи с анализом тональности писем обратим внимание на использование слов *дочи* и *дочка* в исследуемых письмах и текстах посольских речей. В старорусском языке второе слово имело уменьшительное значение⁶. Елена Ивановна обозначает себя по отношению к родителям только словом *дочи*. Мать дважды называет Елену Ивановну дочкой в письме 1497 г., но ни разу — в письме 1499 г. Отец много раз

⁵Например, вежливая верительная грамота Яна Забережского 1492 г. адресована боярину Якову Захарьичу следующим образом: *Господину и дяди моему милу...* (СРИО, с. 68). В распоряжении великого князя Василия Ивановича 1493 г., данном князю Василию Верейскому, Софья Палеолог называется словами *мати наша великая княгини* (СРИО, с. 82). В распорядительном письме от Ивана Васильевича к сыну 1493 г. социальный термин пропущен в формуле презентации коммуникантов, указано только родство: *...Отъ великого князя... сыну моему Василью* (СРИО, с. 93). В грамоте Александра Ягеллончика Ивану Васильевичу 1497 г. адресат обозначается словами *братъ и тѣсть нашъ* (СРИО, с. 226), а в грамоте короля Сигизмунда великому князю Василию Ивановичу — выражением *братъ и сватъ нашъ* (АЗР, с. 45–46).

⁶Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН : в 29 вып. Вып. 4 / под ред. С. Г. Бархударова. М. : Наука : Азбуковник : Лексрус, 1975–2011. С. 347.

использует обращение *дочка* в ответном письме 1503 г.: ...и ты, дочка, въ своей грамотѣ иное и не по дѣлу къ намъ писала...; И мы, дочка, и напередъ того къ брату своему и зятю... наказывали...; А ты бы, дочка, памятовала Бога да и наше родство... (ИЕ-2, с. 411) и др.

Наименование *дочка* используется в старорусских текстах и делового, и гибридного регистров, однако в силу уменьшительной семантики оно относительно редко встречается в них. Так, в старорусском корпусе Национального корпуса русского языка зафиксированы 14 примеров употребления слова *дочка* в 9 текстах и 1725 примеров употребления слова *дочь* в 527 текстах⁷. Что предсказуемо, номинация *дочка* гораздо менее распространена в посольских документах, связанных с миссией Елены Ивановны, чем слово *дочи*.

В посольских речах от имени Ивана Васильевича употребляется слово *дочка* при обращении к Елене Ивановне или при ее упоминании, однако в речи от себя послы не применяют эту номинацию, допустимо только слово *дочи*. Происходит ли интимизация общения при использовании слова *дочка*, и изменяется ли тональность на менее официальную, приемлемую в рамках дипломатических коммуникаций? По нашему мнению, да, это происходит в том случае, когда употребление данного слова отсылает не к чужому тексту, а именно к речам послов ВКЛ или к документам великого князя Александра Казимировича. В старобелорусском языке номинация *дочка* является нейтральной⁸. Дочкой называет Елену Ивановну наместник полоцкий Ян Юрьевич Забережский в письме к воеводе московскому Ивану Юрьевичу Патрикееву 1492 г.: ...а поразумѣй по своему *государи по великомъ князи, была ль бы воля его дати дочку свою за нашего осподаря, великого князя Александра? (СРИО, с. 71). Такая же номинация употребляется по отношению к великой княгине со стороны послов зимой 1494 г., говорящих от имени Александра Казимировича: ...абы еси далъ за насъ дочку свою... (СРИО, с. 123). Словом *дочка* заменяется слово *дочи* в литовском «неудачном» варианте грамоты о недопустимости отступления Елены Ивановны от греческого закона (см. выше).

Поясним явление отсылки к чужому тексту на следующем фрагменте посольской речи 1495 г.: ...Иоаннъ, Божією милостію *государь всеа Русіи и великій князь, велѣлъ тебѣ говорити: присылалъ еси до насъ, хотя съ нами любви и прочной дружбы, и дочку бы намъ свою за тебя дати; да и листъ свой потверженной за твоею печатью еси далъ на то, что тебѣ нашия дочери къ римскому закону не нудити... (СРИО, с. 165). В одном контексте употребляются номинации *дочку* и *дочери*. В первом случае цитируются слова посла Александра Казимировича. Во втором случае наблюдается отсылка к тексту той самой грамоты (*подверженной листъ*), лишнее предложение в которой стало камнем преткновения при матримониальных переговорах (СРИО, с. 159). Фрагмент продолжается так: И мы, с Божією волею, съ тобою то дѣло и дѣлали, и дочку свою за тебя даем... (СРИО, с. 165). Данное предложение является зеркальным ответом на просьбу послов (обычное построение высказывания в дипломатических речах и грамотах). Так, на реплику *и дочку бы намъ свою за тебя дати* дается ответная реплика *и дочку свою за тебя даемъ*.

Упомянутое выше явление наблюдается в отношении слова *матка*, которое используется в письме к отцу 1503 г. для номинации матери мужа (эта и другие лексемы – «элементы, связанные с польско-рутенским или только с рутенским языковым влиянием» [13, с. 400]). Кроме того, в посольской речи от лица Елены Ивановны 1497 г. неожиданно встречается слово *батко* по отношению к ее отцу. Можно предположить, что в данном случае воспроизводится фрагмент текста, составленный при дворе Елены Ивановны, т. е. это чужой текст: А възмолвить великая княгини Микулъ: приказываетъ ко мнѣ батко, чтобы язъ била челомъ великому князю о церкви, да и о панѣхъ, и о паніахъ греческаго закона; ино въдъ князь великій о томъ посломъ батковымъ отвѣчалъ, да и съ своими послы о томъ къ батку отказывалъ (СРИО, с. 240). В речах послов от имени Ивана Васильевича это слово исключено: Отецъ твой, госпоже, велѣлъ тебѣ говорити...; ...отецъ твой, госпоже, велѣлъ тебѣ молвити... (СРИО, с. 240).

Таким образом, в посольских книгах термины родства *дочка*, *матка*, *батко* функционируют как маркеры чужого текста. Только вне чужого текста слово *дочка* является уменьшительной номинацией.

Заключение

Среди проанализированных писем, касающихся миссии Елены Ивановны в ВКЛ, представлены письма частного содержания (2 письма от родителей 1490-х гг.). Также присутствуют письма смешанного содержания, в которых частное содержание сочетается с деловым в разной пропорции (2 письма к родителям 1495 г., 1 письмо от матери 1499 г.). Кроме того, есть письма делового содержания, посвященные миссии

⁷Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 13.12.2024).

⁸Гістарычны слоўнік беларускай мовы : у 37 вып. Вып. 9 / склад.: Т. І. Білінюк [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булыкі. Мінск : Навука і тэхніка, 1982–2017. С. 56.

Елены Ивановны в ВКЛ и текущим событиям (все остальные послания, кроме «литературного письма» к отцу 1503 г.). Адресат в них выступает исключительно посредником в коммуникациях правителей двух государств. «Литературное письмо» к отцу 1503 г. выделяется среди всего корпуса писем, сочетая в себе черты делового письма, ораторского красноречия, эмоционального плача и превращаясь к концу в челобитную. Легкость этого превращения возможна в силу жанровой близости эпистолярных текстов и челобитных. Следует отметить, что даже послания первой группы – это не собственно частные письма (они были известны в начале XVI в.) и тем более не частные в современном понимании письма (приватные), так как в их составлении или хотя бы в записи принимали участие третьи лица и письма передавались с послами. Тем не менее в них присутствуют элементы частного дискурса, известные старорусскому эпистолярному XV–XVII вв. В посланиях третьей группы также есть структурные элементы частного письма, пусть и в виде этикетных смысловых блоков в зачине. Письмо от Ивана Васильевича 1503 г. фактически является княжеской грамотой с цепочкой распоряжений, выраженных формой оптата «бы + глагольная форма на -л», предупреждениями и компонентом со значением санкции. Единственное, что напоминает в этом тексте об общении отца с дочерью, – уменьшительная номинация *дочка*, допустимая в данном случае в старорусском дипломатическом этикете.

В посланиях Елены Ивановны больше стилистических свойств частного письма, чем в письмах от родителей и брата. В ее текстах присутствуют традиционные для частных светских писем смысловые блоки с клишированным наполнением, стандартные старорусские средства выражения вежливости в письменном диалоге (избегание выражения побуждения через оптатив, сопровождение сказуемого-призыва этикетным глаголом *пожалуй*, обязательное приветствие и прощание-челобитье) и постоянный эпитет *милый* при обращении к брату. Средствами экспликации коммуникативной дистанции в письмах от имени Елены Ивановны к родителям выступают строгое соблюдение последовательности приложений при обозначении адресата и самопрезентации, отсутствие отдельных смысловых блоков, характерных для частных светских писем, а также превращение писем в верительные грамоты и челобитные.

В письмах от родителей и брата маркером вкрапления в официальную коммуникацию элементов частного дискурса является включение в текст смысловых блоков IV и V с клишированным наполнением. Кроме того, в письмах от родителей таким маркером служит обращение *дочка*, в письмах от брата – слово *сестро*. Коммуникативная дистанция в письмах от родителей и брата маркируется книжными элементами в составе титулатуры адресанта, *мы*-адресанта наряду с *я*-адресанта; наличием компонента со значением санкции; отсутствием прощания и других смысловых блоков, характерных для частных светских писем.

Проанализированный корпус писем фиксирует дипломатические коммуникации рубежа XV–XVI вв. между родственниками – представителями властных элит. Взаимодействие частного и официального дискурсов и связь между разными жанрами, установленные в этих текстах, представляются типичными чертами письменных коммуникативных практик Средневековья, причем не только в кругу элит. Описание такого взаимодействия, происходившего на разных этапах истории общества, на материале эпистолярных источников является перспективным для установления того, как реализовывалась постепенная специализация дискурсивно-стилистических свойств текстов, обслуживающих разные сферы человеческой деятельности.

Сокращения

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. Т. 2. 1506–1544. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1848. III, 405, 15, 14 с. ; **ВЕ** – Письмо московского великого князя Василия Иоанновича к сестре своей, польской королеве Елене Иоанновне. 1507. Июнь (№ 22) // АЗР. С. 24–26 ; **ЕВ** – Письмо от великой княгини Елены к брату, великому князю Василию. 1503. Март – апрель (№ 75) // СРИО. С. 372–374 ; **ЕИ-1** – Письмо от великой княгини Елены к отцу, великому князю Ивану. 1495. Июль (№ 38) // СРИО. С. 200 ; **ЕИ-2** – Письмо от великой княгини Елены к отцу, великому князю Ивану. 1503. Март – апрель (№ 75) // СРИО. С. 368–372 ; **ЕС-1** – Письмо от великой княгини Елены к матери, великой княгине Софье. 1495. Июль (№ 38) // СРИО. С. 200 ; **ЕС-2** – Письмо от великой княгини Елены к матери, великой княгине Софье. 1503. Март – апрель (№ 75) // СРИО. С. 374–376 ; **ЕЮ** – Письмо от великой княгини Елены к брату, великому князю Юрию. Март – апрель (№ 75) // СРИО. С. 374 ; **ИЕ-1** – Письмо от великого князя Ивана к дочери, великой княгине Елене. 1495. Май (№ 37) // СРИО. С. 197 ; **ИЕ-2** – Письмо от великого князя Ивана к дочери, великой княгине Елене. 1503. Март – апрель (№ 75) // СРИО. С. 411–412 ; **ПРГ-1** – Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографической комиссией : в 5 т. Т. 1. 1526–1653. М. : Univ. тип., 1848. VIII, 326, 24 с. ; **ПРГ-2** – Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографической комиссией : в 5 т. Т. 5. Письма царя Алексея Михайловича. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. VIII, 74, 2 с. ; **СЕ-1** – Письмо от великой княгини Софьи к дочери, великой княгине Елене. 1497. Ноябрь (№ 49) // СРИО. С. 241 ; **СЕ-2** – Письмо от великой княгини Софьи к дочери, великой княгине Елене. 1499. Июнь (№ 60) // СРИО. С. 279–280 ; **СРИО** – Сборник Императорского Русского исторического общества : в 148 т. Т. 35. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1882. 6, VI, XXII, 870 с., 116 сб.

Библиографические ссылки

1. Юзефович ЛА. «Как в посольских обычаях ведется...». Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. Москва: Международные отношения; 1988. 216 с.
2. Репина ЛП. Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема. В: Бессмертный ЮЛ, редактор. *Человек в кругу семьи: очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 1996. с. 20–32.
3. Кошелева ОЕ. «Отходя от света сего...». Частная жизнь московской элиты XVII века через призму завещаний. В: Бессмертный ЮЛ, редактор. *Человек в мире чувств: очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2000. с. 339–386.
4. Полонский ДГ. Самоидентификация русского дворянства и петровская реформа эпистолярного этикета (конец XVII – начало XVIII в.). В: Петрухинцев НН, Эррен Л, составители; Доронин АВ, редактор. *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2013. с. 234–255.
5. Кром ММ. Патронат и клиента в Московском государстве XVI–XVII вв.: историография и проблематика. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021;4: 66–78. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.4.6.
6. Анисимов ЕВ, Базарова ТА, Проскурякова МЕ. «Наш патрон и заступник»: язык корреспондентов А. Д. Меньшикова. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2022;1:49–62. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-1-49-62.
7. Rutkowska G, Kozak A. Kościół w życiu Heleny moskiewskiej, żony Aleksandra Jagiellończyka. *Średniowiecze polskie i powszechne*. 2020;16:261–307. DOI: 10.31261/SPiP.2020.16.12.
8. Nițescu I. Identity, secrecy, and war: the letters of Ivan III of Moscow to his daughter, Elena of Lithuania. In: Pleșu A, Sandu-Dediu V, Oroveanu A, Vainovski-Mihai I, editors. *New Europe College yearbook. Ștefan Odobleja Program 2021–2022*. Bucharest: New Europe College; 2022. p. 203–228. DOI: 10.58367/NECY.ODO.2022.1.203-228.
9. Корзинин АЛ. Двор великой княгини литовской и королевы польской Елены Ивановны. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2022;3:667–691. DOI: 10.21638/spbu02.2022.301.
10. Лурье ЯС. Елена Ивановна, королева Польская и великая княгиня Литовская, как писатель-публицист. *Canadian-American Slavic Studies*. 1979;1–2:111–120.
11. Ragauskienė R. Rusėniška XV a. pab. – XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės moterų – valdovių ir didikų – korespondencija. *Istorija*. 2009;3:18–29.
12. Keršienė D. Ultima serva: Lietuvos didžiosios kunigaikštienės Elenos Aleksandrienės epistolika. *Senoji Lietuvos literatūra*. 2017;43:73–117.
13. Новак МО, Пенькова ЯА. Электронный словарь полонизмов в русском языке XIV–XVII вв.: функции историко-культурных комментариев. У: Ристић С, Лазић Коњик И, Ивановић Н, уредници. *Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема*. Београд: Институт за српски језик САНУ; 2021. с. 393–408.
14. Карасик ВИ. *Языковые ключи*. Москва: Гнозис; 2009. 406 с.
15. Фрейдина ЕЛ. Тональность речевого общения и ее просодические маркеры. *Преподаватель XXI век*. 2015;1:282–290.
16. Груша АИ. *Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом княжестве Литовском (конец XIV – первая треть XVI в.)*. Москва: Центр гуманитарных инициатив; 2019. 608 с.
17. Зуева ОВ. К проблеме семантической дифференциации обозначений эпистолярных текстов в древнерусских и старорусских письменных памятниках: грецизмы *грамота, еписистолия, хартия, харатия*. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2023;2:101–114.
18. Циммерлинг АВ. Восток есть Восток? Переводные и оригинальные грамоты посольских книг Ивана III. *Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова*. 2020;1:326–373. DOI: 10.31912/pvrl-2020.1.19.
19. Ryčkov A. Rusėniškų laiškų formuliaraš Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje ankstyvaisiais naujaisiais laikais. *Lietuvos istorijos studijos*. 2019;44:31–46. DOI: 10.15388/LIS.2019.44.2.

Статья поступила в редакцию 16.04.2025.
Received by editorial board 16.04.2025.